

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Н. Тынянова

Ю. Н. Тынянов начал заниматься «Путешествием в Арзрум» (далее ПВА) в 1927 г., вскоре после окончания работы над «Смертью Вазира Мухтара» (далее СВМ). Генетическая связь между романом и предметом научного исследования самоочевидна, ибо ПВА явилось одним из источников СВМ. Еще Б. О. Костелянец в примечаниях к роману указал, что две его сцены — Грибоедов в тифлисских банях и «пушкинский» финал — представляют собой транспонировки эпизодов ПВА (Тынянов 1959). Отмечались и более мелкие, но не менее важные параллели (Левинтон, 13—14).

С 1929 по 1938 г. Тынянов готовил текст ПВА для всех собраний сочинений Пушкина, вышедших в это время (см.: *Красная Нива*; *ГИХЛ 1933—1940*; *Academia 1935*; *Academia 1936*; *Цявловский 1938*), вплоть до восьмого тома большого академического издания (*Акад.* VIII, кн.1: 1938, кн. 2: 1940; общий редактор тома Б. В. Томашевский). Основные соображения по поводу истории текста, его источников, литературных и политических контекстов, тематики и поэтики он изложил в заметках для «Путеводителя по Пушкину» (*Путеводитель*, 291—292, 319—321, 390—391), в комментариях к *Academia 1936* и *Цявловский 1938*, и, наконец, в известной статье «О «Путешествии в Арзрум», напечатанной во второй книжке «Временника Пушкинской комиссии» (1936). Тынянов в высшей степени убедительно доказал, что ПВА— это не путевые записки 1829 г. (как считалось ранее), а самостоятельный текст, целиком написанный шестью годами позже с использованием большого научного и литературного аппарата. Кроме того, по определению А. П. Чудакова, именно Тынянову «принадлежит заслуга в установлении текста» ПВА (Тынянов 1968, 400) — текста, который мы по сей день читаем и изучаем. Присмотримся к тыняновской редакции ПВА поближе.

Самым ответственным текстологическим решением Тынянова был отказ от воспроизведения первопечатного текста «Современника». Как полагал Тынянов, текст этот не может считаться авторитетным, поскольку «печатался явно без авторской корректуры», на что указывают две ошибки, отсутствующие в рукописи: неверное написание названия Тифлиса *Тбимикалар* и вставленный предлог «для» в фразе о

Мушском паше — «приезжал просить места своего племянника» (Акад. VIII, кн.1, 458, 479; ср.: *Современник*, 43, 78). Сам он печатает ПВА по сохранившемуся беловому автографу (ПД 1028, 1030—1034), считая свой выбор «единственно правильным» (Тынянов 1968, 198). При этом Тынянов умалчивает о том, что аналогичных дефектов в рукописи не меньше, а больше, чем в «Современнике», и он, не оговаривая, исправляет их по журнальной редакции. В некоторых случаях одни и те же ошибки переходят из рукописи в печатный текст. Самая смешная из них — это *qui pro quo* в описании женщины из арзрумского гарема: «мы увидели женщину, с ног до желтых туфель покрытую белой чадрой» (*Современник*, 80)¹; самая существенная — неверное название горного хребта на границе Грузии и Армении. У Пушкина он назван Безобдалом (который на самом деле находится значительно дальше по дороге, между Гергерами и Кишляком) вместо правильного Акзибиук (Ахзебиук)².

Решение Тынянова печатать ПВА по рукописи вызвало возражение у авторов внутренней рецензии, Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума, считавших, что именно текст «Современника» следует считать авторизованным (см.: Тынянов 1968, 400). В подтверждение своей точки зрения они ссылались на письмо Пушкина В. Ф. Одоевскому (датируемое концом февраля — первой половиной марта 1836 г.) по поводу набора первой книжки «Современника», где говорилось: «Корректуру путешествия прикажите однако присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи» (Акад. XVI, 91).

Тынянов не согласился с рецензентами, утверждая, что грубые ошибки в тексте «Современника» доказывают, что Пушкин либо вообще не держал корректуру, либо просмотрел только первый печатный лист: «Говорить о том, что Пушкин держал корректуру печатных листов, в которых встречаются такие искажения и оставил их неисправленными, — трудно. ... Вместе с тем ясна авторитетность беловой рукописи» (Тынянов 1968, 400—401).

Между тем, ни Тынянов, ни его рецензенты, увлекшись схоластическим спором, не обратили внимания на объяснение Пушкина, почему он хотел держать корректуру: его беспокоили не возможные опечатки в наборе, а **ошибки в рукописи**, что само по себе ставит под сомнение авторитетность автографа. Более того, сам автограф, по которому Тынянов печатал ПВА, — это не наборная или цензурная рукопись, а рабочий беловик (в одном месте переходящий в черновик), который еще не отражает последнюю авторскую волю. Достаточно сказать, что в нем текст разделен не на пять глав, а на девять

частей (после каждой поставлен характерный пушкинский знак конца); соответственно, отсутствует и поглавный перечень эпизодов, а также оставлено место для невписанной английской цитаты из Томаса Мура во второй главе. По-видимому, с этого автографа была изготовлена копия ПВА, которая 11 апреля 1835 г. была представлена «на высочайшее рассмотрение» Николаю (см.: *Акад.* XVI, 18; *Левкович; Летопись*, 296—297). В мае государь, как писал Пушкин в письме в Главное управление цензуры от 28 августа 1835 г., возвратил ему ПВА, «дозволив оное напечатать, за исключением собственоручно замеченных мест» (*Акад.* XVI, 230). Следовательно, в дальнейшем Пушкин готовил текст к печати уже по писарской копии, куда он должен был внести поправки по замечаниям Николая и другие изменения, но в сохранившемся автографе поздняя правка никак не отложилась. Поэтому сама рукопись никак не может считаться вполне авторитетной.

Следуя за рукописью, Тынянов внес в текст «Современника» около семидесяти мелких лексических, орфографических и синтаксических изменений. В ряде случаев они были полностью оправданы, ибо исправляли дефекты текста. Кроме двух ошибок, упомянутых выше, отметим еще несколько случаев:

<i>Современник</i>	Рукопись
пасутся... косматые козы , знакомые вам по прекрасным рисункам Орловскаго (21)	косматые кони
Родственники... умершего съезжались со всех сторон и громким плачем шли в саклю (27)	с громким плачем
От тебя, Весна цветущая, Луна двунедельная (42)	от тебя, Весна цветущая, от тебя , Луна двунедельная
почувствовал, что слава Богу был здоров (51)	бодр , здоров

Некоторые решения Тынянова, однако, представляются спорными. Так, он бессистемно заменяет печатное «между ними» на «между ими» (также потом поступит Томашевский в «Евгении Онегине»), «плеча» на «плечи», «чрез» на «через», «восемь» на «осемь», «происшествие» на «происшедствие»; устраняет скобки при ссылке на книгу Потоцкого; восстанавливает неверные или архаические падежи («око-

до 415 году» вместо «415 года»; «дни через два» вместо «дня через два», «не дал ему время» вместо «не дал ему времени») и т. п.

В ряде случаев Тынянов отказывается от вариантов, которые, по всей вероятности, явились результатом не корректорской, а авторской стилистической правки:

Современник	Рукопись
Грузины пьют — и не понашему (42)	Грузины пьют не по нашему
Я отправился без проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна (49)	Я отправился один даже без проводника. Дорога все была одна...
армия уже выступила из-под Карса (53)	армия выступила уже из-под Карса
мысль, что мне должно возвратиться в Тифлис... совершенно убивала меня (53)	мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис...
как вдруг ударили меня по плечу (82)	как вдруг кто-то ударил меня по плечу
Берега были разтерзаны; огромные камни сдвинуты с места и загромождали поток (84)	Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места...

Особого внимания заслуживает пассаж о гибели генерала Бурцова, который Тынянов цитирует и обсуждает в статье:

«19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак война возобновлялась! Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего Героя по завоеванным пустыням Армении. В тот же день я оставил Арзрум» (*Акад. VIII, кн.1, 482*).

«В печатном тексте, — комментирует Тынянов, — это место смягчено: вместо “печальное известие” — просто “известие”, а вместо “могло быть гибельно” — “могло быть печально”» (*Тынянов 1968, 201*).

Это «смягчение», как кажется, было одной из главных причин, заставивших Тынянова предпочесть рабочую рукопись печатному тексту. Он руководствовался не столько текстологическими принципами, сколько своими представлениями о военных главах ПВА как замаскированной критике генерала Паскевича, совпадающей с тем, что он сам писал о «графе Ерихонском» в СВМ, где победы любимца Николая, неумного человека и «плохого стратега», объясняются двояко: его необычайной удачливостью и тем, что он пользовался умом и талантами ссыльных декабристов. Поэтому слово «гибельно» имеет для Тынянова решающее значение: ему нужно было доказать, что Пушкин осуждал авантюрную военную стратегию Паскевича в арзрумской компании, которая лишь чудом не закончилась поражением русской армии.

Согласно Тынянову, в ПВА Пушкин изобразил Паскевича «с тонкой иронией». На это указывает, как он полагает, «почти полная замена имени Паскевича словом «граф» и частое повторение этого слова, имеющие явно иронический смысл, даже помимо известного презрительного отношения поэта к титулованной новой знати: Паскевич был возведен в графское достоинство с именованием Эриванского в 1828 г.; он был *новоиспеченным графом...*» (Тынянов 1968, 201).

Этот аргумент кажется довольно слабым, ибо, как писал сам же Тынянов, ПВА, хотя и имитирует спонтанные путевые записки 1829 г. (которые Пушкин довел всего лишь до перехода в Грузию), на самом деле «было написано гораздо позднее «Путевых записок», а именно в 1835 г., и даже не всегда на них основывалось» (*Academia* 1936, 786; *Цяловский* 1938, 958). Но к середине 1830-х г. графский титул Паскевича (ставшего к тому времени еще и князем Варшавским) давно перестал восприниматься как *nouvelle du jour*. Более того, Николай возвел Паскевича в графское достоинство не по прихоти, а за безусловную военную победу, и для Пушкина (как бы низко он ни оценивал характер и ум фельдмаршала) он был все-таки храбрым полководцем, а не представителем той «новой знати», с которой «родов дряхлеющих обломки» не желал якшаться. В отличие, например, от Булгарина в «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (1830), Пушкин ни разу не использует полный титул: «Граф Паскевич-Эриванский» или «Граф Эриванский» (что могло бы выглядеть как пародирование официального дискурса)³, а называет главнокомандующего только «графом Паскевичем» или «Графом», как того требовал светский и военный этикет. Тынянов должен был бы знать, что пушкинская номинация ничем не отличается от той, которой пользовался

анонимный боевой офицер, участник Арзрумской кампании, в своем очерке «Взятие Арзерума. (Письма из Армении)», опубликованном в начале 1830 г в «Московском телеграфе» (Ч. 31. № 2 (январь). С. 141—175). Более того, исследователь мог заметить, что даже в частных письмах начала 1830-х гг. к близким ему людям — брату Льву и П. А. Вяземскому — Пушкин без всякой иронии употребляет ту же форму «гр.<аф> Паскевич», что и в ПВА (см.: *Акад.* XIV, 159, 174, 208).

Понимая, что его концепция ПВА требует дополнительных аргументов, Тынянов принял еще одно весьма ответственное редакторское решение — вслед за своими предшественниками, П. А. Ефремовым и П. О. Морозовым, ввел в начало первой главы рассказ Пушкина о встрече с опальным генералом Ермоловым, — рассказ, которого не было ни в «Современнике», ни в той белой рукописи, которую сам исследователь выбрал в качестве авторитетного текста, ни даже в перебеленном начале путевых записок, по которому в 1830 г. печатался отрывок «Военная Грузинская дорога». Еще в середине XIX в. его извлекли из записи 1829 г. в рабочей, так называемой «арзрумской» тетради Пушкина (ПД 841) и, начиная с издания *Ефремов 1881*, печатали как составную часть ПВА, несмотря на очевидную нестыковку: в авторском содержании первой главы эпизод «Визит к Ермолову» отсутствует. Как показывает палеографический анализ, вся эта запись, имеющая помету «15 мая, Георгиевск», была сделана в два приема. Сначала Пушкин чрезвычайно аккуратно, почти без поправок и помарок, описал встречу с Ермоловым (она состоялась между 3 и 5 мая) и путь от Орла до калмыцких степей, прервав работу на цитате из Рылеева: «Кобылиц неукротимых / Гордо бродят табуны». Затем, уже другим пером и почерком, с большим количеством исправлений, он продолжил повествование до поездки на Горячие воды и возвращения в Георгиевск. Это дало основания Ефремову и Морозову (ошибочно полагавшим, что путевые записи 1829 г. и ПВА представляют собой синхронные варианты одного и того же произведения), определить «ермоловский фрагмент» как белой отрывок, не напечатанный Пушкиным по цензурным соображениям, и ввести его в свои редакции текста без каких-либо оговорок, пояснений и конъектурных знаков (см.: *Ефремов 1881*, 265—266; *Морозов 1904*, 463—465). Только в венгерском собрании сочинений фрагмент был взят в прямые скобки (*Венгеров 1910*, 506—507). Так же сначала печатал его Тынянов в приложении к «Красной Ниве» и в стандартных шеститомниках 1930-х гг. (*ГИХЛ 1933—1940*), но затем, в изданиях *Academia 1936* и

Цявловский 1938, скобки снял. Нет их даже в большом академическом собрании сочинений и во всех последующих изданиях. Единственным исключением из вековой эдиционной практики является петербургский пятитомник издательства «Библиополис» (1994), в котором В. Д. Рак напечатал ПВА вообще без «ермоловского фрагмента», переместив его в раздел дневниковых записей (см.: *Рак 1994*, 204–205). Для большинства исследователей фрагмент — это едва ли не *raison d'être* всей книги или, во всяком случае, ее важная составная часть, которая вместе с «грибоедовским эпизодом» образует смысловое ядро текста. «Сегодняшние читатели ПВА, — писал Н. Я. Эйдельман, — воспринимают... встречу с Ермоловым, воспоминание о Грибоедове, как единое, неразделимое целое. Они действительно соединились, повинувшись воле гениального автора...» (*Эйдельман*, 197). Увы, авторская воля здесь не при чем, ибо блестяще проанализированное Эйдельманом единство двух сцен возникло исключительно по воле редакторов — П. А. Ефремова, П. О. Морозова и примкнувшего к ним Тынянова.

Надо сказать, что введение в текст отрывка из путевых записок 1829 г. противоречило текстологическим принципам, заявленных самим Тыняновым, который в комментарии к ПВА писал:

«Включение в окончательный текст произведения, написанного в 1835 г., произвольных и случайных дополнений по записям 1829 г., когда замысел “Путешествия” литературно еще не определился, являлось редакторским произволом» (*Academia 1936*, 786; *Цявловский 1938*, 958).

В статье «О “Путешествии в Арзрум”» он обсуждает вышеупомянутую цитату из Рылеева (ею, как мы помним, заканчивалась «чистая» часть пушкинской записи от 15 мая), которой, как и «ермоловского фрагмента», нет в беловом автографе, и возражает против ее включения в текст:

«Хотя... сокращение сделано автором, вероятно, из соображений цензурной осторожности, но восстанавливать цитату ввиду переработки всего абзаца было бы произвольным. Ни абзац, ни цитата не подверглись цензурным изменениям» (*Тынянов 1968*, 196)⁴.

Однако в аналогичном случае с «ермоловским фрагментом» Тынянов не удержался от того, что он сам же назвал «редакторским произволом». Свое решение он мотивировал довольно натянутой аналогией с другим пассажем, выброшенным из печатного текста ПВА и восстановленным им по белой рукописи (ПД 1031) — с комическим эпи-

зодом в конце второй главы, где речь идет об офицере в Карсе, потребовавшим от Пушкина письменного предписания:

«Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (*Акад.* VIII, кн. 1, 465).

Этот эпизод, пишет Тынянов, «по-видимому был исключен при печатании по цензурным соображениям. По той же причине были исключены при подготовке к печатанию и первые четыре страницы “Путевых записок”, перебеленные Пушкиным (посещение Ермолова)» (*Academia* 1936, 786; *Цявловский* 1938, 959). Вполне вероятно, что насмешка над неграмотным «азиатским» офицером русской армии покорила Николая и была среди «собственоручно помеченных [им] мест», подлежащих исключению. Не менее вероятно, что Пушкин сам отказался от эпизода по этическим или, скорее, по художественным причинам: ведь упоминание о послании «Калмычке» («Прощай, любезная Калмычка!») было реликтом раннего замысла путевых записок 1829 г., куда он хотел вставить стихотворение⁵. В «Путешествии» же стратегия по отношению к уже известным читателю кавказским стихам принципиально иная: не называя и не цитируя их, Пушкин отсылает к ним через аллюзивные описания тех мест и обстоятельств, с которыми они связаны.

Как бы то ни было, в белой рукописи ПВА, которую воспроизводил Тынянов, эпизод с «азиатским» офицером не был вычеркнут, и поэтому его включение в текст выглядит логичным. С «ермоловским» же фрагментом дело обстоит иначе: после 1829 г. Пушкин ни разу к нему не обращался, никаких попыток ввести его в рукопись хотя бы в сокращении не предпринимал, Николаю не показывал, из чего следует, что к замыслу ПВА он вообще не имеет никакого отношения.

Почему же Тынянов все-таки, несмотря ни на что, погрешил против научной корректности? Думаю, что единственной причиной была сложившаяся у него в работе над СВМ художественная концепция последекабристской общественной ситуации, где «хороший» Ермолов («законсервированный Николаем в банку полководец двадцатых годов») и «плохой» Паскевич («новый человек с простым чутьем» от которого зависела «участь новой императорской России») олицетворяют два враждебных друг другу «века» — декабристский век «людей с прыгающей походкой» и николаевскую эпоху «лиц удивительной не-

моты». Очевидно, Тынянову очень хотелось, чтобы важная для него антитеза совпадала с тем, как изображены оба полководца у Пушкина в ПВА, но искомое противопоставление Ермолова Паскевичу появилось в тексте только при наличии «ермоловского фрагмента», где опальный генерал смеется над своим преемником, называет «Графом Ерихонским» и резко критикует его военную стратегию. Без этого фрагмента Тынянов не смог бы утверждать, что в первой главе «Путешествия» содержится «осуждение Паскевича как стратега... от имени Ермолова», что именно Ермолов был «источником суждений Пушкина» о турецкой кампании, и что французский язык Паскевича контрастирует с приведенными в тексте разговорами Ермолова (*Тынянов 1968*, 200–202).

Введение «ермоловского фрагмента» в текст и его интерпретация представляются ошибочными не только с текстологической, но и с историко-биографической точки зрения. В мае 1829 г. легендарный Ермолов и его суждения о положении на Кавказе и о литературе, безусловно, произвели на Пушкина сильнейшее впечатление, и недаром он сразу же кратко, но тщательно (для потомства!) записал свои разговоры с опальным полководцем. Однако следует учитывать, что встреча состоялась до знакомства Пушкина с Паскевичем и, главное, до начала арзрумского наступления, «увенчанного полным успехом». Оказавшись свидетелем победоносной кампании и убедившись, что Паскевич не столь глуп и бездарен, как о нем привыкли говорить, Пушкин едва ли стал бы некритически повторять суждения и прогнозы Ермолова, опровергнутые ходом событий. Еще менее вероятно, чтобы шесть лет спустя, в изменившемся историческом контексте, он захотел бы обнародовать свою старую запись, в которой ощутимы восхищение Ермоловым и пренебрежительное отношение к Паскевичу. Анахроничность «ермоловского фрагмента» почувствовал Н. Я. Эйдельман, который с некоторыми оговорками принял тыняновскую интерпретацию ПВА⁶, но все-таки заметил:

Впрочем, никто не может поручиться, что рукопись, в основном создававшаяся в 1835 г., если бы не маскировалась от цензуры, то обязательно включила бы ермоловский эпизод: в окончательном тексте он лишь намечен, но формально отсутствует, и, как знать, не переменял ли бы Пушкин кое-что или даже многое в нем под влиянием опыта прошедших шести лет? (*Эйдельман*, 193)

Эту проблему Эйдельман считает «трудной, и, может быть, неразрешимой», но, на мой взгляд, она довольно проста. Хорошо известно, что к 1835 г. героический ореол Ермолова изрядно померк из-за изме-

нения его статуса опального противника нового режима: в 1831 г. он был приближен Николаем, награжден и назначен членом Государственного совета. Соответственно изменилось и отношение к нему Пушкина. Как писал В. Э. Вацуро, в 1830-е гг. Пушкин «не верил Ермолову до конца. Ни львиный облик старого военачальника, ни героическая его биография, ни легенда, сопутствовавшая ему, не заслонили в его глазах теневых сторон личности Ермолова. В 1834 году он записывал в дневнике:

«3-го июня обедали мы у Вяз. <емского>: Жук. <овский>, Давыдов и Киселев <...> Он, может быть, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана».

«И тот, чей острый ум тебя и постигал, В угоду им тебя лукаво порицал...»

[«Полководец»]

Почти нет сомнения, что этот упрек был обращен и к «великому шарлатану» (Вацуро, 318–319).

За шесть лет изменилась и репутация Паскевича: из тупого, но удачливого выскочки, умело пользующегося благосклонностью императора, — «глупейшего и счастливейшего из военных дураков», по пристрастному слову обиженного им А. Бестужева (*Бестужев*, 501), — он превратился в действительно крупную фигуру, воспетую Пушкиным в «Бородинской годовщине»:

Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань (*Акад.* III, 275).

Назначенный наместником Царства Польского, он неожиданно показал себя совсем неплохим политиком, что вынуждены были признать даже его заклятые враги. Так, Денис Давыдов, неистовый «ермоловец», в середине 1830-х гг. писал о ненавистном ему Паскевиче:

«...вследствие непрестанных сношений с умнейшими людьми Царства Польского, он приобрел в последнее время, сколько мне известно, довольно верный взгляд на дела и некоторые сведения. Желая также приобрести популярность в царстве, он часто ходатайствует у Государя о несчастных и вполне угнетенных поляках. С какою бы целью Паскевич это ни делал, он заслуживает больших похвал за покровительство, оказываемое им этому несчастному народу» (*Давыдов*, 552).

Характерно, что в 1830-е гг. ни одно письменное упоминание о Паскевиче у Пушкина не содержит отрицательных оценок: в записках 1831 г. он сочувственно цитирует слова Паскевича, раненного под Варшавой: «Du moins j'ai fait mon devoir» (*Акад.* XII, 201); в набросках плана «Езерского» пишет, что видел только трех настоящих героев — Ипсиланти, Паскевича и Ермолова (*Акад.* V, 410); в примечании к седьмой главе «Истории Пугачевского бунта» говорит о «славной службе» князя Варшавского (*Акад.* IX, 115); в заметках к «Истории Петра» сравнивает мудрую петровскую политику на Кавказе («не грабить, не разорять, не обижать») с «действиями Паскевича в Армении, Турции etc» (*Акад.* X, 263). Поскольку «ермоловский фрагмент» отражал совсем иную ситуацию, иные, позже пересмотренные представления о масштабе и личных качествах исторических лиц, невозможно себе представить, чтобы Пушкин в 1835 г. мог помыслить о его включении в текст ПВА. И цензура или самоцензура тут не при чем, если только не считать верховным цензором «лихого ямщика».

Ре (де) конструированное Тыняновым ПВА было, кажется, первым примером того редакторского вмешательства в пушкинский текст под предлогом устранения цензурных искажений, которое впоследствии стало обычной практикой советских пушкинистов. Об этой пагубной практике редакторского произвола с праведным, но чрезмерным гневом писал М. И. Шапир:

«Устранение цензурного вмешательства, не санкционированное автором, превращает текстолога в сотрудника оруэлловского Министерства правды, ибо не отражает ничего, кроме изменения политической конъюнктуры: явление одной культурной эпохи подправляется с точки зрения другой, из-за чего текст теряет свою историческую достоверность. Нетрудно показать, что, «борясь» с царской цензурой, Томашевский и другие участники юбилейного собрания сочинений выполняли социальный заказ: их «борьба» была приспособлением пушкинского текста к идеологическим нуждам современности» (*Шапир*, 4).

Случай с Тыняновым, который не столько выполнял «социальный заказ», сколько создавал «литературный факт» для подкрепления собственной художественной концепции, показывает, что М. И. Шапир упрощает сложную проблему. Очень многие редакторские конъюктуры, контаминации, перестановки, интерполяции, замены в советских изданиях нельзя объяснить идеологическим давлением и желанием «революционизировать» Пушкина. Ущербным было само научное мышление советских пушкинистов, эклектически совмещавшее позитивистские и идеационные установки. Все они, как кажется,

исходили из презумпции существования в сознании писателя некоего «идеального текста», который с каждым следующим материальным воплощением подвергался все большей порче, и полагали своей задачей постижение и воспроизведение этого «эйдоса». Поэтому они часто отдавали предпочтение рукописи перед печатным текстом; поэтому постоянно ссылались на цензуру и самоцензуру, понимая их в самом широком смысле; поэтому считали возможным «соавторство» с изучаемым писателем. На деле в каждом конкретном случае «идеальный текст» подгонялся под определенную концепцию творчества Пушкина, а рпггг выработанную исследователем. Идеологические стереотипы сталинской и пост-сталинской эпохи в этом смысле были наиболее очевидным, но далеко не единственным злом: «идеальный текст» может быть создан и по другим лекалам, но от этого он не становится более или менее научно корректным.

Примечания

- ¹ Тьнянов заметил ошибку и исправил ее редакторской конъектурой: «...мы увидели женщину, с <головы> до желтых туфель покрытую белой чадрой» (*Акад. VIII*, кн. 1, 480).
- ² «Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении» (*Современник*, 46; *Акад VIII*, кн.1, 460). В примечаниях к ПВА Е. Г. Вейденбаум указал: «Пушкин ошибся: через Безобдал перевалил он не до Гергер, а после выезда из этого укрепления» (*Вейденбаум*, 54). Географическая ошибка Пушкина послужила одним из аргументов в пользу популярной, но легковесной гипотезы о вымышленности «грибоедовского» эпизода в ПВА (см., например: *Фомичев*, 379). Убедительно критикуя эту гипотезу, И. С. Сидоров отметил, что в авторском перечне эпизодов, предваряющем вторую главу ПВА, переезд через Безобдал помещен на правильное место — не до, а после встречи с телом Грибоедова близ Гергер. По его предположению, Пушкин, готовя перечень, обнаружил свою ошибку, но не успел (или забыл) поправить ее в корректуре (*Сидоров*, 298—299).
- ³ Ср., например, у Булгарина: «Приехав в Грузию при начале войны с Персией, Грибоедов находился при особе графа Паскевича-Эриванского. ... Наконец началась война. Грибоедов был безотлучно при Графе Паскевиче-Эриванском» (*Булгарин*, 19, 21). Булгарин даже вставляет полный титул Паскевича в цитаты из дружеских писем к нему Грибоедова, который на самом деле именовал в них своего начальника более фамильярно. Ср. в письме от 24 июля 1828 г.: «...от графа Паскевича-Эриванского ни слова» (*Булгарин*, 26) и «...от Паскевича ни слова» (*Грибоедов*, 600).
- ⁴ Впоследствии Тьнянов, вопреки собственным веским аргументам, все-таки ввел рылеевскую цитату в текст ПВА, подготовленный для *Акад.*, откуда она перекочевала во все последующие издания. Чтобы оценить степень ре-

дакторского произвола, сравним четыре варианта соответствующего фрагмента:

[1] Запись 1829 г. ПД 841:

«...орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу и спокойно смотрят на путешественника — по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны —

кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необозримую однообразность степи. Разные народы разные каши варят. Калмыки располагаются около станционных хат. — Татары пасут своих вельблюдов, и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников».

[2] Цензурная копия очерка «Военная Грузинская дорога» (ПД 1029; *Акад. VIII*, кн.2, 1003) с пометами и разрешительной подписью А. Х. Бенкендорфа. Фрагмент не вызвал цензурных возражений, но был исключен Пушкиным из печатной версии:

«По широким пажитям

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.

Показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы, как часовые, сидят на кочках означающих большую дорогу и спокойно смотрят на проезжающего. Калмыки разбивают свои войлочные кибитки. Татары пасут своих баранов и верблюдов, оживляя необозримую однообразность степи».

[3] Рукопись ПД 1030 и *Современник*, 21:

«...орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника. Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся [в рукописи: их] уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского».

[4] *Акад. VIII*, кн.1, 446:

«...орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского».

Очевидно, что [4] представляет собой редакторскую контаминацию [1] и [3], т. е. самого раннего (вскоре отвергнутого Пушкиным) и самого позднего варианта, что недопустимо с точки зрения текстологических норм. В данном случае мы явно имеем дело с подчинением сталинистскому идеологическому диктату 1930-х гг.

- ⁵ Концовка эпизода с калмычкой в путевых заметках читается так: «Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —» (*Акад.* VIII, кн. 2, 1046).
- ⁶ Н. Я. Эйдельман защищал тыняновскую концепцию ПВА от резких нападок Г. П. Макогоненко, который доказывал, что она «основана на тенденциозном истолковании фактов» (см.: *Макогоненко*, 300—323). Согласно Макогоненко, Пушкин отнюдь не высмеивает Паскевича, но, наоборот, представляет его в самом положительном свете, как пример благожелательного отношения к декабристам. «Можно согласиться с ученым, — пишет Эйдельман, — что этот сюжет несколько сложнее, чем его представлял Тынянов, что Пушкин как бы “навязывал” Паскевичу положительную роль (в частности, скорбь о погибшем Бурцове и др.). Однако в целом, полагаем, соображения Тынянова сохраняют свою силу...» (*Эйдельман*, 193). Заметим, что при всех различиях, концепции Тынянова и Макогоненко принадлежат к одному типу литературоведческой рефлексии: оба исследователя приписывают тексту неявный политический смысл — обличение Паскевича или защита осужденных декабристов, а затем подбирают «факты» для подтверждения априорной идеи. Как кажется, образ Паскевича в ПВА лишен второго плана и намеренно фрагментарен. Позиция некомпетентного рассказчика, «чуждого воинскому искусству», дает Пушкину возможность ограничиться беглыми наблюдениями, из которых следует, что граф отдает все свои силы ратному делу, умело командует войсками, выказывает личную храбрость и «ласково» принимает гостя. Поскольку даже враги Паскевича признавали его «замечательное мужество» и «усердие» (см., например: *Давыдов*, 500, 552), пушкинские впечатления не противостоят общепринятым представлениям о достоинствах «блестящего героя»; что же касается недостатков (грубость, подозрительность, неблагодарность, тщеславие и т. п.), от которых страдали многие его подчиненные, включая друзей Пушкина, то они оставлены «за кадром», исходя из принципа «победителя не судят».

Литература

- Academia 1935* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 9 т / Под общей ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л., 1935. Т. 6.
- Academia 1936* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т / Под общей ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 4.
- Акад.* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. М.; Л., 1937—1959.
- Бестужев* — Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах. М., 1981. Т. 2.

Булгарин — Булгарин Ф. В. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников / Ред. и примеч. Зин. Давыдова. Л., 1929. С. 9—30.

Вацуро — Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины» Очерки о книгах и прессе пушкинской поры / 2-е изд., доп. М., 1986.

Вейденбаум — Вейденбаум Е. Г. Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к кавказскому путешествию А. С. Пушкина в 1829 году // Кавказская поминка о Пушкине (26 мая 1799—26 мая 1899 г.) / Изд. редакции газеты «Кавказ». Тифлис, 1899.

Венгеров 1910 — Библиотека великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова. Пушкин. СПб., 1910. Т. 4.

ГИХЛ 1933—1940 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1933; 2-е изд.: 1934; 3-е изд.: 1935; 4-е изд.: 1936; 5-е изд.: 1940. Т. 4.

Грибоедов — Грибоедов А. С. Сочинения / Вступ. статья, коммент., сост. и подгот. текста С. А. Фомичева. М., 1988.

Давыдов — Давыдов Д. Сочинения. М., 1962.

Ефремов 1881 — Пушкин А. С. Сочинения: В 6 т. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1881. Т. 5.

Красная Нива 1930 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений (Приложение к журн. «Красная Нива» на 1930 г.): В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 4.

Левинтон — Левинтон Г. А. Источники и подтексты романа «Смерть Вазир-Мухтара» // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 6—14.

Левкович — Левкович Я. Л. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л., 1967. С. 34—37.

Летопись — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 4.

Макогоненко — Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982.

Морозов 1904 — Пушкин А. С. Сочинения и письма: В 8 т. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1904. Т. 6.

Путеводитель — Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997.

Рак 1994 — Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1994. Т. 4.

Сидоров — Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость» (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский Пушкинист. [Вып. 6] М., 1999. С. 292—337.

Современник — Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб., 1836. Т. 1.

Тынянов 1959 — Тынянов Ю. Н. Сочинения в трех томах / Прим. Б. Костелянца. М., 1959. Т. 2.

Тынянов 1968 — Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Отв. ред. В. В. Виноградов. Комментарии А. Л. Гришунина и А. П. Чудакова. М., 1968.

Фомичев — Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 374—383.

Цявловский 1938 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 9 т. М., 1938. Т. 7.

Шапир — Шапир М. И. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 61. № 3. 2002. С. 3—17.

Эйдельман — Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990.